

Библиотека альманаха “Абзац”

проект абзац

*Обложка Асии Момбековой
по мотивам рисунка Константина Сомова*

Верстка Елены Ивановой

Текст публикуется в авторской редакции.

Соколовский С. Добро побеждает зло. Повесть. – СПб.: Свое издательство; М.: Проект Абзац, 2015. – 78 с. – (Библиотека альманаха “Абзац”).

«Добро побеждает зло» Сергея Соколовского – художественная повесть о парадоксах стигматизации, написанная в 1995 году.

© С. Соколовский, 2015

ISBN 978-1-329-00244-9

ДОБРО ПОБЕЖДАЕТ ЗЛО

*Автор глубоко признателен Дмитрию Гайдуку,
Анне Голубковой, Татьяне Зиме
и Денису Ларионову за помощь в подготовке
книги к изданию.*

Шершавая коричневая дверь, покрытая толстым слоем уличной пыли, появилась перед его мысленным взором. Она была знакома Щемилову с раннего детства. Сейчас он лежал на диване в квартире своего друга в Хамовниках и уже третий час как не мог с этого дивана подняться. Тот раствор, который они приготовили сегодня утром, имел явно повышенную концентрацию. Просто-напросто исходный продукт не содержал всех тех примесей, к которым давно привыкли.

Дверь маячила перед глазами недолго. Вот он открывает её, входит в подъезд и здоровается с привратником. Спрашивает, на каком этаже находится квартира номер пятнадцать, хотя прекрасно знает ответ. «Скажите, а там по-прежнему живет семья профессора Локтева?» – задает он привратнику следующий вопрос, не сомневаясь, что ответ получит утвердительный. Но ответ иной: «Нет. Они не живут там больше. Профессор умер, и его супруга с дочерью нашли себе другое жильё...»

Сам к себе двадцатидевятилетний Щемилов обращался по имени-отчеству: Пётр Ильич. И заставив себя вдохнуть, он выдохнул: «Пётр Ильич, а не пора ли того... подняться». Он скинул ноги на пол и через минуту перенес на них тяжесть своего тела. Потом, сконцентрировавшись, целеустремленно направился в ванную комнату, открыл

кран, облил лицо холодной водой раза три-четыре и уткнулся лбом в ослепительно белый кафель. В раковине шумела вода, убегая в канализацию. Пётр Ильич Щемиллов подумал о том, что в квартире, наверное, он остался один, а все остальные ушли. «Как у них это вышло?» – подумал он.

Снова появилась та же самая дверь. И он снова стоит перед ней, не решаясь открыть. Он протягивает уже руку, оторвавшись от заученного наизусть списка жильцов, как вдруг понимает, что около той, настоящей, двери никакого списка в помине не было. Вновь перед глазами поверхность стены, облицованная кафелем. Пётр Ильич отрывает от неё горящую голову, суёт под струю воды, а после закрывает кран и плетётся на кухню, соображая, что уже, очевидно, потихоньку приходит в себя. На кухне выпивает он оставленный кем-то избыточно сладкий чай, успевший остыть, и, добравшись до выходящего во двор окна, неверным движением руки раскрывает его настежь.

Стоял ласковый, ненавязчиво тёплый июньский день. Во дворе цвели, наполняя воздух своим ароматом, старые липы. Петр Ильич смотрел на них свысока, из окна последнего, четвёртого, этажа. Облокотившись грудью на подоконник, он свесился из окна головой вниз, глядя на играющих с бездомной собакой детей. Внезапно в глубине квартиры оглушительно громко хлопнула дверь, выходящая

в парадное. Щемиллов тут же встал на ноги и взял в руку чашечку с чаем, подумав, что такой грохот может и напугать. По всей видимости, вернулся хозяин квартиры.

На деле хозяином квартиры являлся отец Алексея, который имел чин действительного статского советника, ввиду чего большую часть времени проводил в столице, оставив московскую квартиру на сына, чьё возвращение домой и встревожило Петра Ильича. Мать Алексея умерла от сердечного приступа два года назад; Алексей в то время только что поступил на первый курс университета. Когда отец после похорон уехал обратно, Алексей уволил всю прислугу и непостижимым образом стал поддерживать квартиру в чистоте и порядке сам. Он вёл замкнутую и уединённую жизнь, очень хорошо учился и редко куда выбирался из своего дома, который был построен в начале столетия на бывшей окраине города, сохранившей до сих пор покосившиеся палисадники, зелёные садики во дворах и прочие патриархальные прелести. Вперемежку с автостоянками, разумеется.

– А вы, Пётр Ильич, пожадничали, – сказал Алексей, появившись на кухне. – Я как чувствовал, что это была не совсем дрянь, как обычно. Даже проводил Николая до машины – ему отчего-то не хотелось идти одному. На свежем воздухе, знаете ли, он стал совсем просветлённый. А вы как? Уже получше?

– Получше.

Алексей достал из буфета хлеб и сделал парочку бутербродов. Когда он пощупал чайник, то щёлкнул языком и поставил его кипятиться заново. Пётр Ильич понимающе посмотрел на него и печально побрел в ту комнату, где провалялся три часа на диване, обитом тёмно-зелёным бархатом. Через несколько минут туда же отправился и Алексей, толкая впереди себя сервировочный столик с чаем и бутербродами.

Сделав небольшой глоток, Пётр Ильич поставил чашку и стал рассказывать, обращаясь к Алексею как нельзя более доверительно:

– Алексей, а вы помните Лизу, дочку профессора Локтева? Вы ведь, кажется, были знакомы в детстве? Помните отца? Ну так вот, слушайте. Она ваша ровесница; лет восемь назад мы с ней жили в одном доме – я этажом выше, она, соответственно, этажом ниже. Мы не были близко знакомы, просто здоровались и пару раз беседовали на самые невинные темы. Потом я вынужден был в силу жизненных обстоятельств покинуть этот дом, в котором жил с детства...

– Подождите, Пётр Ильич. Вы же говорили, лет восемь назад.

– Правильно. Я жил там в детстве, потом уезжал, а восемь лет назад вернулся. Понимаете? Так вот, я вынужден был уехать снова. О Лизе Локтевой

до меня доходили отдалённые слухи, которые, если честно, не интересовали меня вовсе. Не так давно мне сообщили, что умер старик профессор. Вы мне, кажется, и сказали об этом, – Алексей слушал его с отстранённо-ироническим видом, мягко улыбаясь каким-то сокровенным мыслям. Пётр Ильич, отхлебнув чаю, продолжал. – В общем, Лизы я с тех пор, как уехал, не видел, не представлялось случая, хотя иногда очень хотелось. И вот сегодня ни с того ни с сего, – вы слушаете меня, Алексей? – сегодня, когда я едва живой валялся у вас на этом вот диване, пока вы выходили на улицу, мне несколько десятков раз с потрясающей ясностью – вы понимаете, что я имею в виду, – представлялась одна и та же история: отказаться от неё я никак не мог. Что стою я у подъезда того самого дома – подъезда этот выходит на набережную – так вот, стою перед грязной-прегрязной дверью и не решаюсь войти. И всё дело в том, что иду я вроде как не к себе, я там как бы и не жил никогда, а иду к этой самой Лизе Локтевой, дочке профессора. Когда же я спрашиваю привратника, здесь ли живет семья профессора Локтева, хотя точно знаю, что здесь, то привратник отвечает: нет, мол, не живут они здесь. Профессор, дескать, помер, а семья переехала в более дешёвую квартиру. Но я-то точно знаю, что она там живёт, понимаете? Тогда я отталкиваю привратника в сторону, поднимаюсь

на нужный этаж, врываюсь в квартиру, дверь которой почему-то открыта, и брожу по ней без конца... А потом открываю глаза и опять: подъезд, выходящий на набережную, я топчусь под этой злосчастной дверью... Вот такая история. Я вас, Алексей, не утомил?

– Нет, что вы. Очень интересно. Послушайте, Пётр Ильич, а отчего бы нам не съездить туда? Прямо сейчас?

Роскошный супермаркет в американском стиле был выстроен неподалёку от Устьинского моста лет пять тому назад. Для него выкроили место между набережной и маленькой часовней, сносить которую было категорически воспрещено городскими властями, и без того постоянно враждовавшими с канцелярией московского митрополита из-за каждой реконструкции в центре города. Поэтому снесли лишь несколько ветхих зданий, которые с превеликим трудом были выкуплены у прежних владельцев, и на освободившемся месте возвели странное свайное сооружение, где вместо первого этажа росли кусты, на втором, куда вела движущаяся лестница, велась торговля, на третьем было открытое всем ветрам летнее кафе, а подвал располагался частично под магазином, но большей своей частью непосредственно под рекой, так что её дно являлось ни чем иным, как старательно загерметизированным потолком подвала. В подвале располагался огромный склад.

Лиза Локтева отправилась в этот магазин за покупками. Не то, чтобы он был в отношении качества и цен лучше других, нет, скорее, он был даже хуже, цены в нём были явно выше тех, что могли бы устроить Лизу, но в этот день она шла именно туда. Её привлекало в этой копии заокеанских торговых комплексов то, что здесь её никто не станет беспо-

коить ни навязчивым предложением услуг, ни даже простой атмосферой домашнего уюта, характерной для большинства московских лавок и магазинов. Она чувствовала себя в безопасности, выбирая плотно завёрнутые в полиэтилен продукты. Поднимаясь на открытую полупустую террасу выпить свой заслуженный стакан кока-колы, Лиза была настолько напряжена, что буквально любой обращённый к ней вопрос вызвал бы шквал ответного негодования вне зависимости от того, что бы у неё спрашивали. Она нашла свободный столик и пила из бумажного стаканчика маленькими глотками, щурясь на согревающее кожу лица июньское солнце.

Поверхность воды казалась серебряной. Лёгкий ветер порождал мелкую чешуйчатую рябь, из-за чего вся река становилась похожа на огромного змия, ползущего бесконечно по её руслу. Больше всего Лиза не хотела сейчас лечиться в клинику. Во-первых, не было денег. Во-вторых, лечиться Лиза боялась и вдобавок не считала это необходимым. В конце концов, главное – снизить дозу до какого-то более или менее приемлемого предела. Начинать новую жизнь она не собиралась – и хохотала над этой самой «новой жизнью» до слёз. Однако ближайшие дни представлялись Лизе исключительно в чёрном свете. Она допивала колу и думала о том, как бы поскорее доползти до горячей ванны.

По реке прошёл маленький белый катер, украшенный цветными флажками. Он издал, удаляясь, невыносимо долгий гудок, скребущий по нервам. Этот гудок вывел её из оцепенения. Пора идти, подумала она. Вниз по эскалатору, потом мимо экзотических кустов с цветочками ядовитого цвета, и дальше по набережной, к подъезду, чьи грязные двери выкрашены коричневой краской, отвратительно двусмысленной. Надо незаметно проскользнуть мимо вахтёра, откровенно издевающегося над ней, намекающего, что уж кому-кому, а ему-то про неё всё известно.

За четверть часа Лиза выполнила половину намеченного: она стояла в двух шагах от входа в парадное. Ей в глаза бросился роскошный чёрный «мерседес», небрежно пришвартованный у парапета напротив. На этой набережной редко останавливались такие машины.

День клонился к вечеру, красноватый свет заходящего солнца играл на безупречно чистом корпусе и зеркальных стёклах. На минуту Лиза смогла обо всём забыть и, не отрываясь, смотрела на это чудо, поскольку открывать дверь подъезда не торопилась. «Интересно, кого это принесло сюда», — тихо пробормотала Лиза, оглядев невзрачные автомобили соседей, и, сделав глубокий вдох, шагнула в душноватый сумрак своего дома.

Алексей был родом из старинной дворянской семьи. Он имел правильные черты лица, светло-русые волосы, был высокого роста, носил деловой костюм и похож был скорее на подающего большие надежды молодого депутата, чем на студента. В сравнении с ним Пётр Ильич Щемилов явно проигрывал, поскольку, хотя был на несколько лет всего старше, казался моложе и вместе с тем потрёпанней. Пётр Ильич носил бороду и очки, не ухаживая ни за тем, ни за другим – это он считал ниже своего достоинства. Тем не менее Алексей почтительно обращался к нему по имени-отчеству, в то время как он к Алексею – просто по имени. Род его занятий был Алексею неясен, а вдобавок к тому неинтересен, поскольку Алексей подозревал, что Пётр Ильич – обыкновенный интеллигентный бездельник, имеющий мизерные проценты со своего образования. Впрочем, у Алексея были причины поддерживать с ним хорошие отношения.

Сейчас они уже около получаса блуждали по безлюдной квартире покойного профессора Локтева.

В действительности всё произошло примерно так, как Петру Ильичу и представлялось. Лукавый вахтёр не хотел их впускать, утверждая, что все родственники профессора уехали, а когда Алексей зашуршал перед его носом какими-то бумажками, пригрозив, что из платного осведомителя запросто можно превратиться в политзаключенного, и они прорвались

на нужный этаж, то обнаружили, что дверь квартиры и вправду не заперта. Недолго думая, они проникли вовнутрь, плотно прикрыв за собой створку двери. В квартире, хранившей следы упадка, они не обнаружили никого, чему не удивились. Решили ждать.

– Послушайте, Пётр Ильич, а сколько ей лет? – спросил Алексей. – По-моему, вы говорили, что она моя ровесница?

– Да. Она родилась в самом начале пятидесятых. Я помню точную дату её рождения. Праздновалось, вот и запомнил.

– Но это значит, что к концу вашего знакомства ей было не больше четырнадцати лет? Никогда не замечал за вами, Пётр Ильич, пристрастия к несовершеннолетним.

– И не заметите. Даже если ей и было столько, сколько вы говорите, – выглядела она как вполне сформировавшаяся особа. Да какая, Алексей, вам разница, сколько ей лет... Может, она и вправду постарше была: я плохой памятью вроде не отличаюсь, но запомнить кое-что очень даже и мог. По чистой, как говорится, случайности.

Дальше Алексей не стал спрашивать. То, что отвечал ему Пётр Ильич, представлялось не совсем связным, однако захватывающим. Он не исключал, что Пётр Ильич от него многое скрывает, темнит с какой-то определённой целью; возможно, тут всё специально подстроено, только непонятно зачем.

Нужно ждать и не поднимать паники: всё не так скушно. Почти буквальное совпадение грёзы и жизни Алексея в глубине души радовало несказанно. А жил здесь раньше Пётр Ильич этажом выше или не жил – какая, в сущности, разница.

Когда в квартиру кто-то вошёл и громко щелкнул автоматический замок, они находились в наиболее обжитой из комнат. По-видимому, принадлежала она Лизе: стоял там большой письменный стол у окна, узкая девическая кушетка, большой гардероб и трюмо – вся мебель очень старая и в плохом состоянии. Беспорядок, конечно, ужасный, но пыли вовсе не так много, как в остальных комнатах. В углу стояла стопка книг, а сверху – туфли. Окно выходило на набережную, и на подоконнике в обилии росли кактусы самых разнообразных форм, оттенков и возрастов, – к ним, очевидно, хозяйка относилась с вниманием. Даже обои в её комнате были подобраны под цвет кактусов.

Они одновременно вздрогнули и застыли неподвижно. Без сомнения, это она. Алексею было интересно узнать, как она выглядит, и он успел представить себе разномастную галерею женских портретов, но ни один его не устраивал. Поэтому он был горько разочарован, а Пётр Ильич откровенно напуган тем, что шаги, раздавшиеся в коридоре, мало походили на женские. Скорее, это были мужские шаги. Голос в коридоре проорал:

– Лиза, ты здесь?!

Они затаились. Застыли на месте. Дверь открылась, и из коридора выступила двухметровая фигура в грубых солдатских ботинках, кожаных штанах, курточке явно меньшего размера, чем требовалось, и с недельной рыжей щетиной на недовольном мясистом лице.

– Вы кто? Вы чего тут делаете? – спросил этот верзила, глядя не на них, а в правый верхний угол комнаты, где расплывалось пятно сырости. – Почему дверь открыта?

– Как вам объяснить, – начал овладевший собой Алексей. – Мы здесь в гостях. Ожидаем хозяйку. А вы, позвольте узнать, кто такой?

– Фёдор, – вошедший сделал два широких шага и протянул руку.

По очереди они пожали её, представившись настоящими именами. Видя, что Пётр Ильич опешил не меньше его, Алексей понял, что появление этого человека никем заранее не подстроено. В случае чего он – союзник. Расспрашивать подробно Алексей не решился – мало ли кем доводится профессорской дочке этот гигант. Так они и стояли в молчании посереде комнаты, не зная, с чего начать, и перетаптывались, как медведи.

Все трое хотели сказать друг другу какую-нибудь грубость, но никак не могли решиться. Вошедший уселся на кровать и, закулив папиросу, уставился

в пол, стряхивая пепел в массивную бронзовую пепельницу: её эпизодически опорочивали, но никогда не мыли. Петр Ильич поторопился занять позицию у окна, старательно рассматривая прохожих. Алексей собрался сперва развеять сгустившуюся атмосферу шуткой – поразмыслив, не стал этого делать, поскольку не обнаружил острой необходимости что-либо развеивать, и уселся в кресло возле письменного стола. Изредка он изучал нечёсанные волосы Фёдора – нет ли там вшей. После достал сигарету и тоже затянулся; дым поднимался сизыми кругами к потолку, смущая некурящего Петра Ильича, который спешно открыл фрамугу, уколотившись об кактус; он жадно пожирал законную реальность и раздумывал, не стоит ли им уйти отсюда, пока не поздно – если хозяйка вернется ещё с парочкой таких же голубчиков, им несдобровать, когда вскроется истина. Хотя что было истиной? и кому именно в этом случае несдобровать?

– А может, вы воры? – спросил Фёдор, докурив папиросу и разминая окурки в пепельнице. – Может быть, вас надо отсюда выгнать?

Алексей пожалел, что вовремя не вступил с ним в беседу.

– Вот вы чем можете доказать, что не воры? Тем, что выглядите прилично? Ну так ворами по-другому нельзя; я сам, можно сказать, в известной степени вор. В этом доме вижу я вас впервые, Лиза о вас ни-

чего не говорила — кто вы такие, да зачем пришли. И дверь, заметьте, открыта настежь. Вы, кстати, особенно не пугайтесь: выгонять я вас не буду, хоть вы мне и наврали, будто вы гости; околоточного тоже, понятное дело, не буду звать. Выгонять же я вас не буду, господа хорошие, потому как одному мне скучать придётся. Несмотря на то, что вы, господа хорошие, — не гости, а чёрт знает кто.

Фёдор прервал свои размышления вслух, закурил вторую папиросу, не глядя, слушают его или нет, а закулив, снова забормотал, на этот раз настолько неразборчиво, что у незваных гостей отлегло от сердца. Была надежда, что ничего связного он уже не сможет произнести.

— Вообще я сразу смекнул, кто вы такие, — поспешил разбить их надежды Фёдор, откинувшись к стенке. — Никуда не выпущу...

Когда она увидела в своей комнате целых трёх человек, это даже не смогло как следует её разозлить. Лиза Локтева не стала спрашивать Фёдора, кого он притащил с собой и зачем явился сам. Она негромко сказала им:

– Убирайтесь.

Все встали при её появлении, но никто не ушёл. Лиза не обратила на это никакого внимания и легла на освободившуюся кушетку лицом к стене. Она ни с кем не поздоровалась, ничего больше не сказала. Алексей и Пётр Ильич переглянулись – не лучше ли уйти сейчас, они даже сделали пару шагов по направлению к двери. Но Фёдор сделал им угрожающий знак, выходить воспрещавший. Алексей возмущённо обратился к нему:

– Как прикажете вас понимать?!

– Твари!.. – раздался болезненный голос с кушетки. – Сказала же вам, чтобы вы уходили немедленно! Все! Я никого не хочу видеть, меня тошнит от вас, грязные мерзкие существа... Убирайтесь вон, я повторяю вам, чтоб духу вашего здесь не было! Подлецы! Вы тут стоите ещё?! Чтоб вы сдохли, твари! Почему вы не уходите, а?

За окном вечерело – это были лишь первые признаки вечера, крыши на горизонте были охвачены грязноватой каёмкой, река безучастно вздыхала и стремилась к своему устью; в продолжение все-

го Лизиного высказывания Пётр Ильич тоскливо смотрел сквозь стекло до тех пор, пока в его голове не промелькнула слабая искорка понимания. Вскоре он уже удивлялся тому, как ему сразу не стало всё ясно: и то, что происходит с Лизой, и то, почему именно этот дом привлек его сегодня к себе с такой ошеломляющей силой.

Петру Ильичу стало интересно, понимает ли то же самое Алексей, и когда взглянул на него, то убедился, что понятно обоим. Фёдор же, у которого тётка была истеричкой, ввиду чего к истерикам он привык, вместо того, чтобы уйти, как его просили, проникновенным голосом заявил:

– Лиза... Лиза, послушай. Ведь это – воры. Посмотри на них – воры.

– Зачем ты их сюда притащил, идиот?! Мне не нужны твои воры, сунь их к себе в штаны и проваливай! – последние слова Лиза сказала уже в дверях с полотенцем на плече, потому что встала с кушетки и отправилась принимать горячую ванну; сил терпеть всё это у неё больше не было никаких.

– Фёдор, мы – не воры, – обратился к нему Алексей после того, как дверь за Лизой оглушительно громыкнула, и ситуация окончательно прояснилась. – Мы пришли помочь Лизе. Вы понимаете – помочь.

Пётр Ильич Щемиллов снова уставился в окно. Постепенно становилось ему скучно опять.

– В каком смысле помочь? – не понял Фёдор. – Вы её опекуны, что ли, или родственники? – в его словах ироническая непоследовательность мешалась с искренним недоумением.

Алексей понял намёк:

– А вам? Быть может, вам, Фёдор, тоже требуется какая-нибудь помощь от меня и Петра Ильича? Мы готовы помочь вам.

– Мне требуется не какая-нибудь помощь. Мне требуется вполне определённая помощь.

– До чего же всё-таки люди стали несамостоятельными, – произнёс стоявший у окна Петр Ильич, до толе молчавший. – Вы что, сами не можете в свободное время взять – или у вас денег нет? Деньгами мы вам можем помочь. Надеюсь, к Лизе вы пришли не затем, чтобы клянчить у неё деньги, хотя по вашему внешнему виду можно предположить и такое, – Петр Ильич заговорил как воспитанница института благородных девиц.

Перемена в его отношении к Фёдору была вполне объяснима; Алексей также стал смотреть на того свысока. Они поняли, что Фёдор опасности больше не представляет, называть их ворами и в шутку теперь не будет, а вызывать полицию – тем паче. Длинноволосый анархист пожалел, что раскрыл свои карты чересчур рано, но быстро успокоил себя тем, что, по крайней мере, не слишком поздно. В глазах его появилась надежда, милая и трогательная: эти типы никуда от него не денутся.

– Продукт хороший? – спросил Фёдор и тем усугубил свое положение, так как в ответ последовало издевательски многозначительное молчание.

– Фёдор, – прервал паузу Алексей. – А чем вы занимаетесь? Уж не знаю почему, но у меня сложилось такое впечатление, что вы человек творческого склада, художник или музыкант. Ваши слова о том, что вы вор, звучали неубедительно.

Алексей вообще имел привычку говорить вежливо вне зависимости от своего отношения к собеседнику. В частности, к Фёдору он отнесся с определенной симпатией, цenia его независимые убеждения, обстоятельную наглость, и лишь жалея немного, что после упоминания об известном предмете Фёдор быстро скис и потерял весь свой неконформистский апломб. Кого Алексей ненавидел лютой ненавистью, так это разнообразнейших лизоблюдов и холуёв, с настойчивостью насекомых стремившихся пресмыкаться и угождать перед любым вышестоящим лицом – будь то трактирщик или же собственной персоной государь-император. Они роились всюду, такие люди: и в окружении отца, и в университете – кроме гадливости, других чувств у Алексея не возникало. Алексей подумал, что в России мало что изменилось в сравнении с семнадцатым столетием, и никакие реформы, никакие народные представительства сложившегося положения вещей изменить не могут.

– Вы угадали, – ответил Фёдор на вопрос Алексея. – Я рок-музыкант, гитарист и барабанщик, в зависимости от того, что нужнее. Но мы играем некоммерческую музыку. Поэтому жить приходится впроголодь, никаких доходов это занятие не приносит – в лучшем случае хватает на самое что ни на есть необходимое, без чего жить нельзя. На остальное не хватает. Впрочем, это мои проблемы.

Фёдор расслабился и разоткровенничался, что было не в его характере и вызвано было умело применённым обаянием Алексея. Внезапно он насушился, снова ушёл в себя и бросил из-под бровей недоверчивый взгляд.

Рукою из коридора дверь была распахнута настежь. Лиза стояла на пороге в банном халате; мокрая тёмно-русяя прядь свешивалась на истощённое лицо, змеилась около кончика носа; смотрела Лиза неизвестно куда, не двигалась и ни слова не говорила. Алексей поторопился начать:

– Не сердитесь, мы ещё не ушли. Я хотел лишь сказать вам, что... – Лиза услышала, что кто-то говорит, и собралась возобновить свою гневную отповедь, но Алексей опередил её. – Лиза, у нас есть.

Последнюю фразу Алексей произвольно произнес шёпотом. Однако она произвела действие если не магическое, то по крайней мере успокаивающее: Лиза, встрепенувшись, снова застыла в дверях, скрестив на груди руки и устремив взгляд

в нижнюю часть пространства. Алексей продолжил начатую им мысль:

– Понимаете, Лиза, у нас есть то, что вам в данный момент, судя по всему, крайне необходимо. Вопрос один: примите вы нашу помощь или же нет. Как вы хотите, так и будет. Мне кажется, нет смысла сердиться. Можно поехать с нами прямо сейчас.

– Да-да, Лиза, ты подумай, – вмешался Фёдор. – В принципе это же здорово...

– Я хотела уменьшить... – неуверенно проговорила Лиза, с какими-то по-старушечьи охающими интонациями в голосе.

– Мы искренне хотим вам помочь, – сказал Алексей, окончательно становясь похожим на молодого парламентария.

Устыдившись, он замолчал, а после сказал с твёрдостью:

– В конце концов, какая разница, сбросите вы её или нет. Все равно потом набирать, не так ли?

– Так, – упавшим голосом констатировала она.

– Тогда едем, – подвёл черту Алексей.

Пётр Ильич по-прежнему смотрел в окно, где всё так же несла свои мутные воды река, и красное солнце, уплывая за горизонт, обложенный тучами, в купольном золоте сорока сороков московских церквей отражалось несказанной, невиданной до толе яркостью.

Город готовился к предстоящему визиту императорской семьи основательно, в чём-то даже чрезмерно. Когда, чтобы попасть в Хамовники, они проезжали мимо Китай-города, а после мимо Кремля, Алексею бросилась в глаза обильная иллюминация на стенах и крышах близлежащих домов; со всем возможным патриотизмом выражалась преданность москвичей конституционной монархии и святой православной церкви. Алексея чуть не стошнило: сколько можно спекулировать на традиционных ценностях, превращая величественные архитектурные памятники прошлого в декорации дешёвого балагана. Алексей сказал об этом Лизе и Фёдору, сидевшим сзади. Лиза отвечала ему:

– Ерунда. Гиль, – блеснув старинным лесковским словцом.

То, куда надо было ехать, знал только Щемилев. Алексею он сказал, что сначала по Волхонке, и потом пару кварталов от Храма Христа Спасителя по Остоженке. И там бы притормозил; ждать им придется минут десять, самое большее двадцать. Алексей согласился и передал Щемилеву деньги. Лиза смотрела в сторону, отгородившись от попутчиков и благодетелей подсыхающими шелковистыми волосами и закинув ногу на ногу. Потом она спросила, можно ли курить, и Алексей разрешил, угостив её сигаретой: город вокруг зажигал огни, и Лиза сочла

необходимым не выделяться из общей тенденции. Фёдор тоже курил, что-то настолько вонючее, что Алексей счёл своим долгом предложить сигарету и ему, но Фёдор демонстративно отказался, не желая принимать подачек от представителя чуждого ему социального слоя. У Фёдора вообще были сильны пристрастия к марксизму, равно как и к анархии, и ко всем прочим радикальным экстремистским течениям, в которых Фёдор ценил одно: экстремизм. Он полагал, что Россию спасут фанатики, вроде тех юродивых, что в Средневековье резали правду-матку в глаза сильным мира сего. Фёдор и себя считал чем-то в том же духе: только вот папертью служили подмости прокуренных ночных клубов, где не платили денег за выступления, утверждая, что подобная музыка распутивает клиентов. Известная доля истины в последнем была. Тем не менее, пока ехали по Волхонке, Фёдор успел изложить попутчикам свою теорию спасения Отечества с помощью рок-н-ролла, сексуальной свободы и психоделических средств. Щемилов и Лиза промолчали; Алексей взял на себя труд ответить:

– Наше Отечество – героин. Что именно вы спасать собираетесь?

Фёдор собрался с мыслями, чтобы ответить, но в этот момент машина затормозила у нужного переулка. Петр Ильич Щемилов вышел; мостовая под чёрными шинами, казалось, была светлее и ды-

пала, выпуская характерный земляной пар. Алексей подумал, как хорошо сейчас в деревне: рано утром без счёта проводить часы на берегу со спиннингом, ни о чем не тревожась, не опасаясь азарта; или с ружьём на болотах – он неплохо стрелял и мог бы попросить у одного отца товарища, адвоката, прекрасных собак; тот бы не отказал. А вместо этого он здесь – сидит за рулём в обществе двух отщепенцев, которых наколодовал ему этот кретин Пётр Ильич: один без конца ёрзает, а другая смотрит в окно, будто её заморозили. Она даже, когда Пётр Ильич выходил, не обернулась.

Стало совсем темно. На улице зажглись фонари, освещая причудливые фасады зданий. Мимо проносилась череда автотранспорта, быстрого и потому немного бессмысленного, будто все эти машины ехали с включёнными фарами просто так. Алексей включил свет в салоне своего «мерседеса». Он курил третью сигарету подряд и удовлетворённо отмечал, что ему куда больше хочется употребить разогретый ужин, нежели то, зачем отправился в темноту неутомимый Пётр Ильич.

Алексей вспомнил ещё одного человека, бывшего в гостях сегодняшним утром: звали его Николаем, видел его Алексей раз в пятый или шестой, но человек этот успел ему понравиться. У Николая была способность как бы работать переключателем; атмосфера в его присутствии была либо угрюмо-

напряжённой, словно в ожидании обыска, либо — меняясь по мановению руки — восторженной, беззаботно-радостной, когда счастье можно через пару минут потрогать и потрепать, как котёнка; Алексей был непрочь повидать этого человека как-нибудь ещё раз.

Светящаяся реклама резала ей глаза. Больше всего ей хотелось забиться куда-нибудь в багажник, где никто не молотит языком, свернуться калачиком и незаметно повыть, как собаки воют на луну в присутствии хозяина: тихонько-тихонько, чтобы никто не заметил. Подбородок как-то сам по себе притягивался к коленям, тошнота подступала к горлу и сердце работало с отвратительными перерывами — наглядный пример для студентов-медиков. Алексей был отнесён в разряд любопытствующих филантропов: вот сегодня он ей поможет, а завтра выкинет на чёрную лестницу. Гадости под личиной добра. Лизе Локтевой было неловко в глубине души, что она согласилась поехать, хотя не собиралась; это степень безволия, когда отказаться уже не можешь. Алексей показался ей негодяем так же, как и Пётр Ильич; Лизе претило их высокомерие, но стараясь чем угодно занять мысли на время ожидания, она пришла к выводу, что за этим высокомерием скрывается незащищенность, граничащая с трусостью, — иными словами, нравственный облик Алексея от этого светлее не стал. Может, он

сознательно хочет накачать её до бессознательного, беспомощного состояния? Всё одно, каким бы конец ни был – он будет заслуженным. Ничего экстраординарного в эти головы не придет. С другой стороны, с ней Фёдор: единственная беда, он точно такой же, этот боров предаст первым и переметнется к врагам... Хотя, может, и зря она на них взъелась: насильно, против воли её никто не тащил.

Чёрные тучи ползли по небу. Из подворотни вынырнул опоздавший на полчаса Пётр Ильич с неизменным докторским саквояжем и спутником, который весело помахал сидящим в машине и пошёл в другую сторону. Тёмные щели окружали светящуюся Остоженку; Пётр Ильич, довольный, плюхнулся на сиденье рядом с Алексеем и радостно прогоготал: – Говорит, это что-то из ряда вон выходящее.

Паук, подумала про него Лиза. Вылез из своего угла и сидит вместе с ними. И брюшко, и бородёнка – всё как у паука. А этот хлыщ тоже зачем-то издевательски медлит, ждёт, когда паук устроит свое нищее тельце. Лиза Локтева случайно соприкоснулась с третьим, с Фёдором, и судорога отвращения пробежала по её телу. Все они заодно.

Когда переезжали Садовое кольцо, она успокоилась: чему бывать, того не миновать. И какая разница, кто рядом. Перед честными людьми, скорее всего, было бы стыдно. Ей нравилось так думать.

Алексей думал, прежде чем вести их домой. Предпочёл бы он в эту минуту уединение — да, предпочёл бы. Однако эти люди располагали его к себе, причём не каждый по отдельности, а только все вместе взятые. Пётр Ильич сам по себе был скупен и мерзок; Лизу пришлось бы жалеть, дать ей денег, вообще как-то помочь; Фёдора, как подозревал Алексей, после искреннего частного разговора о жизни пришлось бы спустить с лестницы. А все вместе они были хороши, смешиваясь пропорционально, как в химии или кулинарии. Алексей просил подождать его у подъезда, пока он отгонит автомобиль на стоянку. Было совсем темно, и лишь пятачок перед парадным подъездом был освещён. Тут, как назло, грянул проливной дождь, и трое его гостей забились под козырёк над входной дверью, отчего-то не решаясь войти. Так он и увидел их, когда бежал, накрыв голову полиэтиленом, от автостоянки: в полукруге света, плотно прижавшихся друг к другу и отделённых от остального мира отвесной стеною ливня. Жалость некстати зашевелилась в его сердце, и он широким жестом пригласил гостей в дом, осудив попутно за ожидание под потоками воды, когда они прятались под спасительный козырёк вместо того, чтобы войти.

По счастью, сильно никто не вымок. Не успели — если бы больше времени провели под дождём,

то вымокли бы наверняка, и пришлось бы сушить одежду.

Пётр Ильич Шемилов сразу же направился на кухню — судя по всему, это место в квартире Алексея облюбовано было им более других. Остальные же устроились в креслах гостиной. Алексей грубовато приказал Петру Ильичу согреть чаю — тот не протестовал, колдовал у плиты, что-то кипятил, что-то стерилизовал, усердствовал, одним словом, как мог. Шторы он задёрнул — у него уже давно появились подозрения, что за ним следят, причём следят откуда-то свыше. Пётр Ильич понимал, что это глупости, но шторы тем не менее педантично завешивал. К тому же окно напротив, где горел свет, смотрело аккуратно в окно Алексеевой кухни.

Чайник нагревался медленно, верно. Пётр Ильич посмотрел на него и углубился в недра своего саквояжа: вынул оттуда аптекарские весы. С их помощью дело пошло быстрее; вода вскипела, и Пётр Ильич дал знать в комнаты: забирайте, мол, чайник; углубился снова в свои дела. Кто забрал чайник, Пётр Ильич даже не посмотрел.

— Очень серьёзный человек, — прокомментировал Алексей наблюдения за Шемиловым. — И это оправдано.

Чай пили благонамеренно, не спеша. Алексей поставил на низенький столик сладости. Сейчас, с чашкой чая в руках, он впервые получил возмож-

ность как следует рассмотреть Лизу: остренький нос, тонкие губы, теоретически красивые глаза – поручиться с уверенностью нельзя было. Алексей решил, что профессорскую дочку при желании можно считать симпатичной городской женщиной. И примерещилась же с утра Щемилкову эта коричневая дверь в её доме: теперь расхлебывай – Алексей угадывал некоторую нарочитость в подобном видении; она его раздражала и веселила одновременно. С другой стороны – не скушно, и ладно. Алексей старательно притворялся, будто увлечён беседой со своими гостями, а в действительности думал: Пётр Ильич неспроста медлит.

Допив чай двумя большими глотками, Алексей встал и отправился на кухню, дабы проконтролировать действия своего товарища.

Товарищ делал всё правильно. Так же, как и Алексей, он вспомнил утреннее своё состояние и так же был поражён, до чего причудливо иной раз складываются различные жизненные ситуации, о которых вчера ещё и подумать было непросто. В такие минуты Пётр Ильич согласился бы с утверждением, что жизнь – игра, и от себя добавил бы, что в игру эту следует играть азартно. Алексею он сказал:

– Сейчас будет готово. Не торопись.

Сделав шаг в гостиную, Алексей встретил выжидающие взгляды Лизы и Фёдора. От взгляда Лизы, он думал, ему сделается не по себе, однако

всё обошлось: взгляд как взгляд. Она действительно смотрела на Алексея довольно-таки безучастно. А у Фёдора глаза были от природы пустые – как их хозяин не исправлял, пытаясь придать осмысленности, ничего не выходило; при том, что Фёдор был человек неглухой, с глазами он ничего поделать не мог.

Алексей устроился ждать рядом с ними.

Комната была та самая, где провёл утро Пётр Ильич Щемиллов. Гостиная, обставленная отцом Алексея в старинном вкусе: мягкая разлапистая мебель с тёмно-зелёной обивкой глубокого, неожиданного для подобной ткани оттенка; секретер с инкрустациями из карельской берёзы и множеством выдвижных ящичков, по которым Алексей тщательно рассовывал всякое барахло, зачастую подобранное на улице. Тут были осколки бутылок, цветные камешки, окурки от сигарет, бумажки с еле различимыми надписями без начала и конца, – гостям Алексей запрещал даже приближаться к секретеру, утверждая, что в нём находится деловая переписка отца, проклятая неким попом-расстригой. Плотные шторы вечно шевелились от сквозняка – за ними, казалось, кто-то стоит. Ещё в той комнате, кроме пары картин на стенах, изображавших охоту, имелось большое зеркало. Перед ним – два канделябра; свечи Алексей жёг частенько и тогда гасил огромную бронзовую электрическую люстру под потолком, которой

в детстве боялся, – не дай Бог, свалится на голову. Паркетный пол был натёрт до блеска приходившими два раза в месяц полотёрами и периодически самим Алексеем подметаем. Одним словом, комната была велика, чиста и уютна.

Лиза Локтева всего этого не замечала. Не столько, впрочем, по своей личной невнимательности, сколько оттого, что окружающая обстановка волновала её в данный момент меньше всего на свете. Если бы вместо гостиной она очутилась в угольном амбаре или на складе – особой разницы с квартирой Алексея она бы не заметила. То есть она понимала, где находится, но как-либо оценить это не могла, не хотела и не стремилась. Думала она о том, когда же наконец появится Пётр Ильич. И сообщение Алексея, что Пётр Ильич появится скоро, воспринято было с двояким чувством: почему же он тянет и с другой стороны – вот и хорошо, что скоро появится. В целом с того часа, как она вернулась из американского магазина, Лизой владело оцепенение внешне и что-то совсем другое изнутри, прорывавшееся иногда сквозь оцепенение, а после возвращавшееся обратно. К тому же её тошнило. Она вышла в коридор и вскоре вернулась.

Следом за ней в комнату вошёл Пётр Ильич, плотно прикрыв за собою дверь.

Шторы снова заколыхались то ли от сквозняка, то ли от общего выдоха.

– Ну что, приступим, – сказал Пётр Ильич. – Вам, Елизавета, первой.

Его действия, как и голос, были спокойными и сосредоточенными. Сам он оказался последним; отказавшись от помощи Алексея, Пётр Ильич сказал, что управится в одиночку, – управившись, он откинулся в кресле, которое оставлено было для него свободным. Он чувствовал себя в высшей степени удовлетворённым, расслабился и молчал. Утренняя история забылась начисто.

Остальные тоже чувствовали себя неплохо.

Когда Фёдор, попытавшись возмутиться, начал рассказывать, что вахтёр в её доме снова потребовал с него пять рублей за проход, Лиза Локтева впервые за весь день улыбнулась.

– И вы заплатили? – спросил Алексей, а сам был поражён тем, как улыбка изменила её лицо.

– Ну не пять рублей, – отвечал Фёдор. – Выгреб из кармана какую-то мелочь и сунул ему. Не хотел я с ним препираться, мало ли каких неприятностей можно ждать от человека. В конце концов, безденежье – не повод, чтобы трястись над каждой копейкой.

– А мы ему не платили, – вмешался в разговор Пётр Ильич. – Мы его напугали. Таким лучше не позволять распускаться. Подобных людей надо держать в узде.

– Пётр Ильич, у вас чисто русский взгляд на эти вещи, – улыбнувшись, заметил Алексей. – Подобных людей не надо держать в узде – вы ещё скажите, что их убивать надо. Подобных людей... Так вот, подобных людей надо перевоспитывать.

– Конечно. У меня в парадном служит отвратительный человек, я согласна с этим. Он издевается надо мной, поскольку ему многое известно, но в этом ли дело? Какое вообще все эти люди имеют значение? Иногда мне кажется, а иногда я убеждена в этом твёрдо, непоколебимо, что все они – персонажи из кошмарного сна. Стоит проснуться, и они исчезают, – Лиза улыбнулась ещё раз, застенчиво и мягко. – Может, это и наивно, но поверьте мне – настоящие люди другие, совсем другие, я знаю. У настоящих людей сквозь тело видна душа.

– Лиза, а вы, как я погляжу, – идеалистка чистейшей воды, – заметил Пётр Ильич. – Таким, как вы, трудно бывает в жизни.

Он поднялся из кресла, чтобы отнести посуду и шприцы на кухню. Через минуту там зажурчала вода. А разговор продолжался.

– Да ну их всех, – подняв голову, резюмировал Фёдор и обратился к Алексею. – А у нас музыку

нельзя ли послушать? У меня есть с собой несколько новых дисков...

– Не на чем, – отвечал Алексей. – Я не люблю слушать музыку дома. Музыка – это погружение в иной мир, в волшебную сказку, если хотите; а дом – это всего-то навсего дом.

– Дом у человека только в детстве бывает, – задумчиво произнесла Лиза. – А потом вместо дома – жилище, нора, как у зверя.

– Или притон, – печально усмехнулся Алексей, посмотрев ей в глаза.

Разочарованный отказом Алексея, Фёдор уронил голову на грудь и впал в полудремотное состояние, изредка прислушиваясь к разговору, но не произнося ни слова. Потом он пошёл на кухню попить водички и проведать там Петра Ильича Щемилова, который отчего-то не спешил возвращаться. Алексей остался с Лизой наедине.

Горела каждая лампочка у подвешенной за крюк к потолку бронзовой люстры. Лампочек было немало, и кружили они ослепительным звёздным хором в глазах беседовавших, и привлекали к себе. С удивлением Алексей обнаружил: он настолько увлечён своей новой гостьей, что забыл погасить, как он делал всегда, электричество и зажечь свечи. Поражённый этим, он немедленно исправил ошибку, и вот уже трепещущее, живое пламя свечей оборвало их и без того затухающую беседу.

Этот дом выстроен был на месте старой фабрики, снесённой в двадцатых годах. Тогда это была самая окраина города, застроенная двух-трёхэтажными зданиями, преимущественно деревянными, многие из которых остались стоять и по сей день. Рядом был парк. И владелец земли, где находилась фабрика, построил, побывав в молодости за океаном, дом, похожий на те, что видены были им в Америке, — по сути, это лабиринт, наполненный множеством жилых помещений с бетонными стенами, лабиринт, чрезвычайно зловещий и мрачный, возвышающийся надо всем вокруг и похожий на тюрьму. Люди в этом доме жить, как правило, не хотели, и поэтому квартиры были достаточно дешёвы. В самом начале там жили молодые рабочие, не успевшие обзавестись семьей, и студенты, прельстившиеся низкой квартирной платой. К началу шестидесятых их сменили многодетные нищие инородцы, не желающие работать по-настоящему, и всех сортов проходимцы и неудачники, заброшенные в это место переменчивою судьбой.

Здесь-то и обреталась та комната, в которой жил Фёдор. Кто за неё платил — неизвестно, не исключено, что кто-то из сердобольных родных. Из-под грязно-зелёной масляной краски, которой были окрашены стены, местами проявлялся железобе-

тон: судя по всему, жилец частенько плевал в эти проплешины, используя их в качестве мишеней, но отнюдь не всегда попадал, ввиду чего стены были заплеваны целиком, да к тому же испещрены надписями и рисунками непристойного содержания. Вместо одной из стен в комнате было окно, выходившее в парк, что позволяло Фёдору рассматривать верхушки деревьев. Мебелью служила многочисленная музыкальная аппаратура, верстак, да топчан, к которому прислонена была электрогитара. Кроме того, в комнате имелась масса пустых бутылок, баночек и коробочек, ворох одежды, экзотической и рабочей. Самого Фёдора в ней не было.

Распахнулась украшенная глазастым плакатом дверь – и фигура жильца в неверном утреннем свете устремилась к застеленной клетчатым пледом кровати. Фёдор не очень хотел спать, но вот прилечь – прилечь он бы не отказался: вытянуть ноги, зевнуть и, полуприкрыв веки, долго смотреть в окно, благо вставать для этого не требуется – окна доходят до пола. Следом через комнату проплыла ещё одна фигура, плотно затворившая за собой дверь; в ней нетрудно было узнать Петра Ильича Щемилова. Он застыл у стекла и смотрел на серебрившийся в конце широкой аллеи пруд.

Дождь кончился. Через полчаса из несущихся с большой скоростью то ли облаков, то ли туч прорвались первые солнечные лучи, окрасив золо-

том скромный интерьер бесхитростного жилища. Фёдор пробормотал:

– Видишь? Солнышко к нам идёт, – и скинул ноги на пол, чтобы снять сапоги. Ноги устали.

– Да, Фёдор. Солнышко, – авторитетно ответил Петр Ильич. – Чаю надо поставить.

Рядом с усилителем и вправду стояла электроплитка, а на ней чайник. Чайник был пуст, и Фёдор слёзно упросил Петра Ильича набрать в него воды в конце коридора, поскольку сам не хотел идти оттого, что пребывал в горизонтальном положении. Крепя сердце, Пётр Ильич пошел, а когда вернулся, увидел, что Фёдор плитку ещё не включил, зато включил проигрыватель и лихорадочно рылся в куче пластинок. Пётр Ильич чайник поставил сам.

– Вот, со вчерашнего вечера хотел послушать что-нибудь, – говорил сам с собою Фёдор. – Нашёл. «Велвет Андерграунд» самый первый. Шестьдесят шестого года.

Петру Ильичу было безразлично, какую музыку слушать; он ждал, когда вскипит чайник, усевшись верхом на подушку; а Фёдор сел на топчан рядом, вытянул ноги и откинулся к стене головой, всем своим видом демонстрируя сладкое забытье, в котором он пребывал.

Утро кончалось, близился день. В дверь постучали.

– Входите! – крикнул Фёдор.

На пороге возник Николай.

– А, представители сексуальных меньшинств пожаловали, – усмехнулся Фёдор. – Проходи, проходи. Вот, познакомься: Пётр Ильич Шемилов...

– Мы знакомы, – ответил Пётр Ильич и с легкой гримаской, незаметной под бородой, протянул Николаю руку. Они поздоровались.

– Как вы нашли друг друга? – спросил Николай. – Не думал, что у вас есть шанс познакомиться. Дайте-ка я на вас погляжу, хотя что глядеть. До сих пор в себя не пришли после давешнего приятного времяпрепровождения, – Николай налил чаю. – Что ж, каждому человеку в жизни должно быть иногда, время от времени, хорошо. Главное – не увлекаться.

Пластинка, игравшая до сих пор, кончилась. Фёдор поставил другую.

– «Православие и прогресс» называется. Товарищ по детским играм выпустил на независимом лейбле. Год назад. Мне кажется, год назад. Бескомпромиссный восточноевропейский краут-рок.

– Вы теперь рассказывайте, как дошли до жизни такой, – изложил свою просьбу Николай. – Редко бывают столь приятные неожиданности, когда двое твоих товарищей внезапно обнаруживают приятельские отношения.

Вместо ожидаемого рассказа Пётр Ильич задал вопрос:

– Николай, а ты правда гомосексуалист? Извини, что спрашиваю в лоб, бесцеремонно – дело в том, что у меня и предположений-то таких не было.

– Правда, – улыбнулся Николай. – Я этого не скрываю, но особо не афиширую. Кому какое дело до моей личной жизни. А вы рассказывайте, рассказывайте. Мне очень интересно.

И Пётр Ильич поведал ему о событиях прошедшего дня, начиная с того момента, когда Алексей с Николаем ушли, а он остался один в квартире и ему без конца мерещилась эта проклятая коричневая дверь, и кончая тем, как в утренних сумерках Алексей заводил машину, чтобы отвезти Лизу Локтеву домой, а заодно, по дороге, их с Фёдором – сюда. Фёдор с большим интересом слушал начало этой истории, которое было для него покрыто мраком: наконец-то он стал понимать, каким образом появились в комнате его подруги эти таинственные помощники, взявшиеся помочь и ему. Николай, начало слушавший скорее участливо, нежели внимательно, наоборот, оживился к концу неспешного повествования Петра Ильича: задавал кучу вопросов, мол, где живет эта девушка, которую провожал Алексей, сколько ей лет, в котором часу они выехали из Хамовников, кто её родители, когда Алексей собирался вернуться домой, да и вообще, зачем он её повез. Пётр Ильич объяснил:

– Николай, понимаешь, у Лизы, м-да... Так вот, у Лизы очень плохое самочувствие. И как следствие этого – очень плохой сон. Поэтому Алексей хотел поскорее отвезти её домой, тогда у Лизы оста-

лось бы больше времени на то, чтобы выспаться. Не мог же он оставить её ночевать у себя.

– А почему? – спросил Николай. – Он боится оставлять у себя на ночь женщин?

– Да нет, Николай. Ты же его достаточно неплохо знаешь: он просто очень любит уединение... А склонности тащить всех подряд в постель я за ним и вправду не замечал, – пугающе торжественно ответил Пётр Ильич.

За этой беседой они не заметили, что Фёдор, отвернувшись к стене, заснул. Обнаружено это было лишь тогда, когда игла подобралась почти к самой середине диска, и сработало автоматическое выключение. Они ещё немного поговорили; солнечные лучи уже всю заливали комнату, в ней становилось душно, поскольку окно из-за идиотской конструкции не открывалось, а форточки не было предусмотрено; и они, посторонившись спящего человека, поспешили выйти из смрадных коридоров на улицу, где, сиротливо притулившись к рыжесерому архитектурному монстру, стояла в окружении десятка берёз маленькая церквушка с одиноким нищим на паперти.

Кактусы на подоконнике две недели стояли неполитые. Они могли бы простоять без воды и дольше, но Лизе очень сильно захотелось прямо сейчас их полить. Она проснулась в середине дня, часа в два, оторвала голову от подушки и первое, что увидела, – были кактусы. Над ними она увидела в окно ослепительно синее безоблачное небо и поняла, что дождь кончился и день будет жарким. От этого ей ещё сильнее захотелось полить кактусы – не дай Бог, завянут. Эти растения вызвали у Лизы Локтевой приступ нежности и ласкового, почти материнского внимания: ни одно другое чувство не смогло бы заставить её скинуть ноги на тёплый пол и пробежать босиком до кухни, чтобы набрать воды в пыльную бутылочку, специально предназначенную для полива кактусов. А потом она стояла у окна, смотрела на набережную и тоненькой струйкой вливала воду поочерёдно в каждый горшок, тщательно следя за тем, чтобы вода не переливалась через край и не оставляла разводов на белой подоконной доске. Солнце же в это время постепенно освещало фасад, перекатившись не так давно через островерхий конёк крыши.

Какое-то смутное воспоминание не покидало её. Лиза вернулась на кухню в надежде, что сможет нормально поесть. Холодильная камера от-

крыла перед ней продукты, купленные вчера утром в супермаркете: готовая пицца, которую достаточно было лишь разогреть, устраивала Лизу полностью. Она закрыла дверцу холодильника, включила плиту, и повторно в задумчивости уставилась в окно, на этот раз кухонное.

Алексей как-то странно поговорил сегодня утром с вахтёром. Когда его автомобиль остановился в ненадёжных утренних сумерках напротив подъезда на набережной, он попросил её не выходить пока из машины, а подождать, когда он вернётся. Алексей вошёл в дом, разбудив вахтёра, и о чем-то разговаривал с ним минут пятнадцать: то ли он ему денег дал, то ли припутнул как следует, то ли нашёл ещё какие-то инструменты воздействия, Лиза не знала какие, но когда она вскоре после того вошла в парадное, прошла, поздоровавшись, мимо своего недоброжелателя и стала подниматься вверх по лестнице, то не услышала от него ничего, кроме обычного утреннего приветствия. Лиза была удивлена и не знала, как ей оценить подобный поступок: со стороны Алексея это могло быть либо ничего не значащей любезностью, либо серьёзным знаком внимания. Тут как раз вскипел чайник и согрелась пицца.

Еда отвлекла Лизу Локтеву ненадолго. Что сказал Алексей вахтёру, она так и не придумала; ей же самой он сказал, провожая до подъезда и собираясь ехать обратно домой, что она при первом же затруднении известного рода может звонить ему или при-

ходить прямо на квартиру; помощь будет оказана непременно. Если же её решение будет прямо противоположного свойства, то Алексей обещал, что поможет с врачом, устроит, если надо, в санаторий, в общем, в одиночку Лизе маяться не придётся. Это было поважнее, чем разговор с вахтёром, и говорило о большем. Во всяком случае, Пётр Ильич Щемиллов оказал ей значительную услугу, познакомив с Алексеем. Вот только зачем, с какой целью он это сделал? О том, что в необъяснимом поступке Петра Ильича повинна дверь её же подъезда, Лиза Локтева не догадывалась.

На кухонном столе лежала дурацкая газетёнка из тех, что продают в подворотнях мальчишки. Один из заголовков гласил: «Зачатие по телефону». Какая чушь, подумала Лиза. Завтрак меж тем подходил к концу – если то был завтрак, а не обед. Видимо, время, когда ей придётся обратиться за обещанной помощью, наступит намного скорее, чем того бы хотелось. С другой стороны, какой смысл отказываться? Безусловно, вечером она позвонит Алексею: ничего другого не остаётся. Человек он симпатичный, да к тому же богатый. Насколько именно он состоятелен – Лиза не знала, но что не беден, это наверняка. В крайнем случае, это деньги его родителей, а значит, рано или поздно перейдут опять-таки к нему. Когда пицца была съедена, а чай допит, Лиза меланхолично подумала: отчего бы не выйти за него замуж?

Она вспоминала вчерашний вечер и находила всё больше подтверждений в пользу этой медленно зревавшей, но наконец созревшей идеи. На самом деле подтверждения с успехом сошли бы и за опровержения, но Лизе этого не хотелось и потому не принималось в расчёт. Алексей был младше её на год, а то и меньше, но Лиза чувствовала за своими плечами жизненный опыт, не сравнимый с опытом Алексея: именно, это был опыт борьбы за выживание. Она почувствовала себя рыболовом, а его — рыбкой: если он попадётся, то она сможет вертеть им так, как захочет. Она молода и привлекательна, стоит только немножко привести в порядок здоровье. Хорошо, что под рукой не оказалось зеркала — ей пришлось бы испытать горькое удручающее разочарование.

Лиза искренне считала, что подобное намерение возникло у неё из чисто корыстных побуждений — в действительности это было не совсем так. Вымыв посуду, она распахнула окно, выходившее во двор, подставив голову летней жаре. Потом Лиза уселась с ногами на подоконник, достала сигарету, закурила, несколько раз глубоко, от всей души затянувшись. Дым она выпускала медленно, наблюдала за тем, как растворялся он в густом, лишенном движения воздухе, напоенном ароматом растений, и пепел стряхивала в бронзовую пепельницу формы человеческой головы.

Вечером того же дня Лиза Локтева и вправду вышла из дому с вполне определёнными намерениями. Однако отправилась она не в Хамовники, где жил Алексей, а к тому неприветливому строению, в котором обитал Фёдор. И не потому она это сделала, что второго хотела видеть больше, чем первого, а потому лишь, что к телефону у Алексея никто не подходил, что значило: дома его нет и ехать туда не имеет смысла.

Трамвайных маршрутов в Москве рубежа десятилетий становилось всё меньше. Лет двадцать назад, в начале пятидесятых, их повсеместно стали вытеснять автобусы. Одна из уцелевших линий проходила как раз неподалёку от Лизы и вела на ту самую окраину, где возвышалось монструозное жилище Фёдора.

Было ещё светло, когда Лиза стояла на остановке и поджидала трамвай.

Он подъехал почти пустой, принял её в себя и покатил дальше по проложенным специально для того рельсам. Пробегали мимо унылые старообрядческие фасады, монастырские стены, перекрёстки, пробегали почти мгновенно, рождая неопределённую мучительную тоску, причины которой были непонятны и вместе с тем очевидны. Казалось, трамвай ехал без остановок вовсе, он

оставлял позади квартал за кварталом, и Лизе вдруг почудилось, когда она смотрела из освещённого салона на сгущающиеся сумерки, что едет по каким-то своим надобностям в этом трамвае не она, Лиза Локтева, а кто-то чужой: неприятный испорченный человек, не мужик и не баба, бесполое, никому не нужное тело. Не стоящее тепла, заботы, даже случайной мысли не стоящее. Приближалась уже нужная остановка, а Лиза всё вспоминала себя такой, какова она есть на самом деле, в настоящей жизни, вспоминала, какой была в детстве, как обращались с ней покойный отец, мама, которая теперь в больнице, и всё твёрже убеждалась в том, что с едущим в сумеречном трамвае организмом ничего общего не имеет и не имела никогда.

Вдруг в окно Лиза увидела тот самый дом, возле которого ей надо было сходить, трамвайную остановку, освещённую неправдоподобно ярким фонарем, увидела открывающиеся двери трамвая. С удивлением она поняла, что ей нужно подниматься с сиденья, и побыстрее, иначе она опоздает выйти. Лиза сделала несколько шагов, спустилась по ступенькам навстречу потоку тёплого, хорошо прогретого за день воздуха. Двери закрылись, и трамвай уехал, позвякивая на стыках рельсов. Прямо перед ней стояла серая громада с мутными окнами, и рядом – та самая маленькая церквушка, мимо которой Пётр Ильич Щемилев проходил с Нико-

лаем вместе сегодняшним утром. Пройдя между церковной оградой и облупившейся стеной дома, Лиза свернула в тёмную узкую щель прямоугольной подворотни, которая вела во внутренний двор сомнительного чуда архитектуры. Её невысокие каблуки равномерно и целеустремлённо стучали по потрескавшемуся асфальту, трещины на котором были в темноте не видны, но Лиза всё равно знала, что они есть. Лужи после вчерашнего дождя уже почти высохли, лишь изредка поблёскивая по сторонам.

Едва она вошла во двор и повернула к подъезду, как дорогу ей преградил, широко раскинув руки, долговязый жилистый инородец:

– Куда идёшь, девушка?!

– Дерьмо, – ответила ему Лиза и со всех сил ударила костяшками пальцев в поддых. Инородец ссутулился и отошёл в сторону.

Злости у Лизы хватило бы на то, чтобы изувечить этого человека на всю оставшуюся жизнь. Каждая клетка чужого, неподвластного тела ныла, и Лиза поспешила к знакомому подъезду, где через минуту за ней громко хлопнула входная дверь с избыточно мощной пружиной. Инородец разогнулся и пошёл куда-то по своим делам дальше.

Поднималась Лиза по немытым ступеням полукруглой лестницы, царапала взглядом циничную настенную живопись, навеки въевшуюся в грязно-

зелёную поверхность стен. Свернула в неосвещённый из-за хулиганства и воровства лампочек коридор, откуда тянуло на редкость съедобным чадом, таившим намёк на незамысловатые, но питательные кушанья.

Войдя в комнату Фёдора, она сразу же почувствовала неуловимый, но до боли знакомый запах.

– Твоя комната всегда так пахнет, – сказала Лиза и только потом поздоровалась с Фёдором. – Привет.

Фёдор был один и держал в руках гитару. Увидев Лизу, он отложил инструмент в сторону. Минуту посмотрел на неё, усадил на диван, порылся в куче пластинок и поставил тот же самый «Велвет Андерграунд», который слушал с утра. Ещё раз посмотрев на Лизу, он спросил:

– Тебе сколько?

Лиза ответила сколько. Фёдор принялся кипячёной водой из чайника разводить вещество, понимая, что предлагать чай несколько преждевременно. Воду он выбирал шприцем и после, сменив иглу и намотав на самый кончик её немного ваты, стал прочищать раствор, медленно втягивая его в обозначенное десятичными делениями пространство. Когда набралось нужное количество, он показал его Лизе и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Достаточно.

Потом Фёдор посмотрел жидкость на свет и сказал, обращаясь на этот раз непосредственно к Лизе:

– Руку давай.

Засучив рукава клетчатой ковбойской рубахи выше локтей, она предъявила Фёдору обе. Фёдор оглядел их, и его обычно спокойное мясистое лицо исказила гримаса негодования:

– Да, матушка... И куда же вас изволите?

– Сюда попробуй, – Лиза указала на крапчатую дорожку красновато-сиреневого оттенка, которая, по её мнению, являлась вполне приличной веной. – Сможешь попасть?

Постепенно заживающий синяк прятал её внутри себя, и Фёдор поначалу попытался отыскать какую-нибудь другую, более приличную, но его поиски не увенчались успехом. Без особой решимости он принял предложенное, не зная наверняка, сможет туда попасть или нет. Лиза перетянула руку ремнём и плотно прижала запястье к коленям. Фёдор подул ей на руку и быстрым, ловким, как ему казалось, движением ввёл иглу меж двух красных точек. Игла ошутимо обозначилась под кожей, и Лиза молча смотрела туда, ожидая дальнейших действий Фёдора. Тот отчего-то медлил, шевелил поршнем, вытягивая лишь маленькие пузырьки воздуха, и в вену не попадал. Лицо у него от напряжения налилось кровью. Контроль не показывался, он ввёл иглу ещё глубже, но все безрезультатно. Наконец Фёдор не выдержал и сказал, чтобы Лиза зажала дыру; вытащил шприц и глубоко выдохнул.

– Не нравятся? – спросила Лиза, злорадно ухмыляясь. – Скоро и у тебя такие же будут. Давай.

Федор снова ввёл иглу под кожу и снова не попал, орудуя иглой почти наугад. Лиза прикусила губу – игла проходила сквозь что-то твердое и отчаянно сопротивлявшееся. Без толку. Фёдор резко толкнул её дальше – и мгновенно под кожей стал надуваться безобразный фиолетовый шар. Фёдор растерянно констатировал:

– Чёрт. Пробил.

– Дай я сама, – безо всяких интонаций попросила Лиза; она взяла из его руки шприц и, закинув ногу на ногу, зажала между коленями запястье, сжимая и разжимая кулак.

Лоб у неё покрылся морщинами. Лица Фёдор не видел и отошел в сторону, чтобы перевернуть пластинку, когда неожиданно услышал из-за спины:

– Всё. Готово.

Вскоре прошло лето, и наступила осень.

Пожелтели, а местами и покраснели листья деревьев, пошли дожди. Выдавались и солнечные, ясные дни – непредвиденные подарки, провалы во вневременное пространство, лишённое как тепла, так и холода, и наполненное рассеянным золотым свечением повисших под куполом облаков. Прогулки в такие дни бывают бесконечны, насыщены и приятны, а незаметные сумерки плавно перетекают в тревожную, праздничную ни с того ни с сего ночь, когда люди чуть не до утра бродят из одного открытого по ночам заведения до другого, растрачивая последние средства, знакомясь с подозрительными личностями, которым в иное время не подали бы и руки.

После летних торжеств общественная жизнь в городе поутихла: ни для кого не секрет, почему сентябрь называют бабьим летом.

Случайные знакомства никогда не бывают уж слишком случайными. Лиза Локтева и Алексей с того дня, как судьба столкнула их лицом к лицу, встречались довольно часто – впрочем, не чаще, чем того требовали вполне конкретные обстоятельства. Фантазии Лизы относительно замужества остались фантазиями: ни о каких близких отношениях между ними и речи быть не могло. Алексей продолжил свою учёбу в университете – нельзя

сказать, что юриспруденция поглощала его полностью, но должное внимание он ей уделял. С однокурсниками он по-прежнему общался мало, большинство из них даже не знало, где он живёт. В Лизе он принимал живейшее участие, помогая ей всем, чем можно. Алексей заботился о ней бескорыстно и искренне, как человек, не склонный к демонстративной благотворительности; старался, чтобы она ни в чём не чувствовала недостатка. Петра Ильича Щемилова он также видел почти каждый вечер – тот потихоньку наживался на Алексее и даже купил себе новый в мелкую полоску костюм. Алексей это понимал, но прощал.

С Николаем за последние два месяца он тоже сошелся коротко, несмотря на предупреждение Петра Ильича относительно не совсем обычных его пристрастий. Алексей не замечал этого: по крайней мере, старался не замечать. Это было несложно, поскольку Николай не имел привычки бравировать известной стороной своей жизни. Единственным, что как-то выдавало его, были слишком резкие перепады настроения, когда то хорошо так, что лучше некуда, то совсем плохо. Пётр Ильич отмечал в Николае две склонности: одну, о которой речь шла выше, он называл «порочной», а другую – «пагубной». Так вот, эти перепады настроения легко могли быть вызваны второй «пагубной» склонностью, либо, что всего вернее, они являлись врождённой чертой характера

и ничего собой не скрывали. Разве не удовлетворительное объяснение?

Лизу Николай недолюбливал – она платила ему взаимностью. Поэтому они старались не пересекаться друг с другом. Так как Лиза бывала в гостях у Алексея довольно часто, Николаю иногда приходилось, столкнувшись с ней, делать вид, что он спешит по каким-то важным делам, о которых только что вспомнил. После его ухода в воздухе долго ещё витала нерассеивающаяся напряжённость. Иногда же он приносил с собой чувство необъяснимой светлой радости, в которой все проблемы терялись сами собой – за эти визиты Алексей его и любил, потому что нельзя было заранее предугадать, какой сегодня будет день: чёрный или белый. Для Алексея это была своего рода азартная игра – к сожалению, Лиза Локтева была неудачным партнёром, но ради неё Алексей закрывал глаза на то, хорошее настроение у Николая или же нет.

Тем временем Фёдор, присутствовавший при знакомстве Лизы и Алексея, играл вместе со своими друзьями по разным ночным клубам, из которых их то выгоняли, то брали обратно. Неожиданно в лице Петра Ильича Щемилова он нашёл себе и приятеля, и постоянного поставщика одновременно, чему был очень обрадован; Пётр Ильич, в глубине души презиравший людей своего круга, также нашёл в беспечном рыжеволосом музыканте родственную

душу, далёкую опостылевшей интеллигентской высоколобности и жертвенности; когда Фёдор перевозносил заокеанскую революцию в вопросах морали, утверждая, что только свободная любовь избавляет от азиатчины, Пётр Ильич с ним для порядку спорил, но в душе рад был всему, что растаптывало богоизбранность России. Кроме того, ему нравился дом, в котором жил Фёдор: там они обычно и проводили время в неторопливой беседе при поддержке крепкого чая и крепкого же табака, который Фёдор приобретал у соседей-инородцев. Иногда, если Пётр Ильич приходил пустой, Фёдор бегал в подвал и покупал бутылку-другую. Они тоже недолюбливали Николая и предпочитали встречаться с ним пореже, хотя с Фёдором Николай знаком был довольно долго – ещё с тех пор, как Фёдор устроился специалистом-осветителем в некий ночной клуб, не особо афиширующий свою деятельность, и был изгнан оттуда через месяц за безобразную пьяную драку, в которой случайным образом помог Николаю избежать повреждений. С того времени Николай из чувства благодарности заходил частенько к Фёдору в гости и помогал ему устраивать выступления, когда Фёдора в очередной раз откуда-нибудь изгоняли. Фёдор его не любил, но по этой причине терпел, а Пётр Ильич Щемиллов Николая не замечал вообще, и если приходилось с тем разговаривать, усмехался недвусмысленно, издевательски,

с намёком, не скрывая неприязни. Николай, как ни странно, терпел: Пётр Ильич был образцовым поставщиком. Вдобавок Пётр Ильич очень гордился втайне от всех своим новым костюмом, тогда как Николай ходил в старом. Однако Николай выявил для себя эту гордость и остался развлечён подобною мелочностью своего недоброжелателя.

Приближался один из крупных церковных праздников. С наступлением ночи Николай привёл Алексея в одно из тех мест, куда стекались люди, не знающие, что делать в такое время. Николай предупредил: услуги Петра Ильича сегодня не понадобятся, всё, что надо, у него есть, и даже в избытке. Лиза навещала в клинике свою мать и вечер после того собиралась провести в одиночестве; поэтому Алексей с Николаем целый день бродили по городу, а к вечеру осели здесь. Машину Алексей оставил на стоянке, предпочитая гулять пешком. У Николая она вообще месяц пребывала в ремонте, и ей суждено было оставаться там ещё долго. Домой к Алексею они не спешили, потому как побывали там с утра и многие свои проблемы успели решить.

Стены этого кабака были темно-красного цвета. Педерастов, как удовлетворённо отметил Алексей, там не было. Наоборот, за столиками по углам целовались какие-то сумасбродные парочки, музыканты наяривали невыносимую смесь из рок-н-ролла, цыганщины и русских народных песен, все вокруг были порядком выпивши, – Алексей отнёс это за естественное действие необъяснимо солнечного дня, когда ясно, что он последний, и хочется получить радости и удовольствий сполна. Посетителей в принципе было не очень много, но казалось, ввиду бесшабашного поведения, что кабачок полон.

Столик, занимаемый Алексеем и его товарищем, стоял посреди зала, но вместе с тем обособленно от остальных. Полчаса они сидели просто так, ничего не заказывая, а посоветовавшись, решили выпить вина.

– Какого-нибудь сладкого вина и фруктов, – сказал Алексей официанту, и тот удалился, как глубоководная рыба.

Большие часы над стойкой пробили полночь. Эстрадный ансамбль перестал играть, музыканты быстро куда-то исчезли, будто их и не было. С последним ударом часов внезапно погасло электричество, и зал, ахнув, погрузился во тьму. То тут, то там стали зажигаться маленькие огоньки – спички, зажигалки. И стало ясно назначение подсвечников на каждом столике, которые до того стояли незамеченными. На столике перед Алексеем появились вино и фрукты: груши, персики, виноград... Человек, принёсший их, без всякой просьбы стал зажигать свечи; за соседним столом посетители догадались зажечь их сами.

Волшебный свет отразился от лица Николая, оставив особые тени, от которых Алексею стало не по себе: тени таили в себе неопределённую жутковатую угрозу. Впрочем, Николай улыбнулся, и это чувство исчезло:

- Свечи... – сказал он. – Как в детстве, на Рождество.
- Как в храме.

Смех в зале стихал. Люди вдруг стали разговаривать друг с другом чуть ли не шёпотом, боясь, что от слишком громких звуков свечи погаснут. Очевидно, в здешнем подвальчике была такая традиция: ровно в полночь гасить электричество и зажигать свечи. Но Алексею это показалось чудом.

С вином они управились быстро. Стало ясно, что скоро пора домой; Алексей поделился своим намерением с Николаем, и тот его поддержал. Алексей оплатил счёт, они съели ещё несколько плодов и вышли из прокуренного помещения на свежий воздух, наполненный запахами сырости и увядающих цветов. Этот своеобразный аромат – принадлежность кладбищ.

До Алексеева дома было рукой подать; едва они сделали несколько шагов по переулку, как навстречу им попался полупьяный субъект в рубаше с огромным белым воротником, разложенным поверх серой тужурки наподобие крыльев. Субъект попросил закурить; когда Алексей протянул ему сигареты, он сделал резкий жест рукой, похожий на нападение; Алексей опередил его грубым тычком в подбородок, отчего субъект пошатнулся и, зажав в кулак сигарету, поспешил удалиться. Алексей со своим спутником направились дальше и вскоре миновали мирно дремавшего в своём кресле швейцара.

Вызвали лифт, хотя могли бы подняться на четвёртый этаж пешком.

Алексей достал из кармана ключи, Николай стоял за его спиной и нервно дышал, пока тот копошился с замком. Замок наконец щёлкнул, и дверь в квартиру открылась. Алексей пропустил Николая вперёд, захлопнул дверь и удалился к себе в спальню, чтобы сменить безбожно трущие штиблеты на турецкие туфли, в которых он имел обыкновение расхаживать дома. Николай остался стоять в прихожей, одержимый несвойственной ему решимостью: он просто стоял, не шелохнувшись, на одном месте и ждал, думая о своём. Планы его действительно были не совсем обычны.

Тем временем, переобувшись, Алексей вышел в прихожую и был очень удивлён видом своего друга, застывшего, словно статуя:

– Николай, что ты тут стоишь? Отчего не проходишь в комнаты? По чести говоря, я надеялся, что ты давно уж расположился где-нибудь без моего приглашения. Извини. И проходи, проходи же, – Алексей указал на дверь, ведущую в гостиную.

– Знаешь... Я сначала на кухню, – улыбнулся ласково Николай.

– А! На кухню! Эк же ты скор, – развеселился Алексей. – Ну я тогда подожду тебя здесь. Ты ведь знаешь, где у меня там что. Справишься самостоятельно, верно?

– Верно. Справлюсь, – улыбка Николая была однотонной и неизменной, ровной, как американское шоссе.

Перебросившись ещё парой шуточных замечаний, они разошлись: Алексей направился в гостиную, где устроился читать при свечах, а Николай – на кухню, не раздеваясь в прихожей, где принято было оставлять верхнюю одежду.

На кухне Николай первым делом осмотрелся. Всё как всегда. Холодильная камера, кухонный шкаф, буфет, стол, табуретки, мойка, окно завешенное, сверж меры яркая лампочка под потолком. Никого постороннего. Он упрекнул себя за малодушие: как можно нервничать в тот момент, когда всё уже давно решено и остаётся привести намеченный план в исполнение. Это раньше он страдал – нынче он страдать не намерен, нет. Хватит.

С удивлением Николай отметил, что ненависть не захлёстывает его, наоборот, отступает куда-то, освобождая место цинической жалости к жертве, когда знаешь, что она всё равно никуда не денется. Он достал из кармана требуемый пакет, заранее заготовленный, повесил пиджак на спинку стула. Поставил разогреваться стерилизатор. Сел на табурет и стал ждать. Ожидание его не продлилось долго.

Размышлять особенно было не о чем. Николай попытался хоть воспоминаниями развеять скуку предопределённости: не думать же, в самом деле, стоит это делать или же нет. Если не сделать, всё останется, как прежде: вечный кошмар самоподавления, когда хочешь сказать и не можешь, хочешь

сделать и не можешь, хочешь заставить себя относиться ко всему спокойно – и не можешь заставить. Когда чувства захлёстывают тебя, и ты превращаешься в автомат, исполняющий то, что требуют от тебя обстоятельства, пункт за пунктом, механически и без смысла, лишь бы жестом единственным, звуком или взглядом не выдать себя, не показать, к чему истинно ты стремишься, чего вожделеешь, чего жаждешь душой своей, – иначе быть тебе изгнанным, осмеянным и уничиженным. Так один день невозможно прожить – а он жил недели, месяцы без надежды на перемены. Ну а поскольку изменений не предвидится, выход один: с глаз долой, из сердца вон. И за пару минут, пока не вскипела вода, Николай успел вспомнить многие события, произошедшие в последние месяцы.

Одно из них случилось недавно, дня три назад, после чего Николай и решил всё бесповоротно. Он зашёл в гости в эту квартиру, где находится и сейчас. Надеясь, что Алексей дома один, поздоровался, когда тот открыл дверь, потоптался нерешительно в прихожей и прошёл следом за хозяином в комнаты. Они сидели, разговаривали, и Николай почувствовал хоть и слабое, но такое редкое в последнее время чувство умиротворения. И в этот момент дверь в комнату отворилась, на пороге объявилась профессорская дочка Лиза Локтева, в каком-то совершенно расхристанном

виде толкая перед собой сервировочный столик с чайным прибором; оказывается, она находилась на кухне, когда он пришёл. Сперва Николай подумал, что Лиза просто переселилась сюда, под крылышко своего покровителя, стала, как пишут в газетах, его любовницей, и что ему поэтому нет здесь отныне места. Выяснилось, однако, что она так же, как и он, в гостях и всего-навсего недовольна его приходом: Лиза экономила раствор, но Николай понял это иначе. Он понял, что Алексей первой попавшейся уличной потаскушке позволит издеваться над ним. Именно поэтому сама Лиза Локтева не вызывала у него ненависти, даже раздражения не вызывала. Пётр Ильич тоже ненависти не вызывал – обычный хамоватый торгаш с базара, каких миллион.

Содержимое своего пакетика Николай разводил не торопясь, вдумчиво. Водички капнул туда самую малость. Потом извлёк из стерилизатора шприц и посмотрел на свет: нет ли пятнышек. Намотал на кончик иглы вату – мало ли какой зубной порошок туда подмешали – и стал методично выбирать раствор, приговаривая:

– Как в драме Шекспировой, как в драме Шекспировой.

Наполнив требуемый объём, Николай резюмировал:

– Вот столько, голубчик. Мало не покажется.

Перед тем, как выбрать раствор себе, – а осталось того чуть на доньшке, – Николай развёл

его ещё раз: концентрация получилась раз эдак в шесть-семь меньше, чем у Алексея. И то слишком много получилось, подумал Николай, выпустив дугообразно пару точек на белоснежный кафель. После чего положил оба шприца на поднос и пошёл в комнату, где ждал его Алексей. По дороге он подумал, что самым смешным было бы их сейчас перепутать.

Двери в гостиную распахнулись будто сами собой. Из тёмного коридора Николай вступил в освещённую зыбким пламенем свечей комнату. Алексей читал, повернувшись к дверям спиной, старинную немецкую книгу по естествознанию, отпечатанную готическим шрифтом и снабжённую великолепными иллюстрациями. Непосредственно к тексту Алексей в этот момент никакого интереса не испытывал, а рассматривал дотошно исполненные гравюры. На одну из них он смотрел уже четверть часа и никак не мог оторваться, поглощённый исходившей от нее скрытой необъяснимой магией.

Гравюра действительно была примечательна. Иллюстрируя главу об исследованиях морских глубин, на ней был изображён ныряльщик, проникший сквозь толщу воды на дно и простирающий руки с целью схватить огромную пятиконечную морскую звезду, вполовину самого ныряльщика размером, и вдобавок кокетливо поигрывающую одной из своих ужасных конечностей. Конечности

были ужасны именно тем, что изображены с максимальным натурализмом и подлинностью, в то время как ныряльщик был абсолютно безлик, безвозрастен, и единственным его индивидуальным признаком была всклокоченная чёрная шевелюра с вырывающимися из неё пузырьками воздуха.

Бесшумно подкравшись, через плечо Николай посмотрел на это изображение и на тени, блуждающие по нему оттого, что лёгкий сквозняк поколебал пламя свечей. Потом дотронулся до плеча Алексея, встретив его вопрошающий взгляд задумчивою улыбкой:

– У меня всё готово, – он указал на поднос. – Забавную картину ты разглядывал только что.

Книгу Алексей захлопнул и бросил на секретер.

На Воздвижение приехал из Петербурга отец Алексея. Похороны решено было отложить на несколько дней; из близких друзей Алексея мало кто на них собирался – не хотели видеть ни родственников, ни самого обряда. Печальная новость оказалась для всех слишком неожиданной: и каждый невольно задумывался о своей судьбе, о том, не такой ли конец ожидает рано или поздно его самого. Избыточная доза, случайность – и всё, кроме родных, никто о тебе не вспомнит. Да и те по необходимости.

Узнав о смерти Алексея и созвонившись друг с другом, Фёдор и Пётр Ильич Щемиллов тот же час решили помянуть его вдвоём, без свидетелей, благо свободного времени у них было невпроворот. За водкой сходили вместе, а после вернулись в комнату Фёдора. Оба были потрясены и молчали.

Фёдор расчищал стол. Покойный никогда у него особых симпатий не вызывал, а тут на глаза наворачивались невесть откуда взявшиеся слёзы, и он решил поскорее выпить, сваливая на пол проводочки, разные ненужные бумажки, ноты, объедки, одежду, прочую ерунду, валявшуюся на столе месяцами. В углу стола Пётр Ильич механически резал колбасу, солёные огурцы, уже выложив из саквояжа купленный им сегодня на рынке мочёный чеснок. Сбросив на пол барахло, Фёдор поста-

вил на стол гранёные стопки и поспешил наполнить их до краёв.

– Ну что... Помянем Алёшу, – проскрипел Пётр Ильич и выпил, не выдыхая.

Фёдор тоже выпил и протянул руку за закуской. За огромным окном, куда он смотрел, простиралось бескрайнее, однотонно серое небо, нагнетая тоску до слишком высокой ноты.

– Все там будем, – усмехнулся горестно Пётр Ильич. – Не думал я, что Алёша первым. Теперь только понимаешь: мы все перед ним виноваты были, – Пётр Ильич в этот день был одет в свой старый костюм.

Они выпили по второй.

– Представляешь, я вчера только узнал, – говорил Фёдор. – Ко мне зашел этот, голубой... Весь в слезах, как баба, говорить толком не может. Вот он и сказал. Я сразу тебе позвонил – а дальше ты знаешь.

– Да. А я как раз с утра ему тоже звонил – не видел несколько дней, а у него дома трубку снимает отец, я ведь его знаю, отца, и ледяным голосом говорит, что Алексею по этому номеру больше звонить не стоит. И сообщил день и место похорон. Я как узнал от тебя, что там этот тип, Николай, будет, и отец, и все остальные родственники, и университетская шушера – сразу решил, что не пойду. Лучше мы тут вдвоём, верно?

– Верно. И эти все, и Николай – мерзкий на самом-то деле человек. Я и раньше это понимал, но не придавал значения. Наглядный пример того, что наркомания располагает к гомосексуализму.

– Ну не всех, – возразил Пётр Ильич.

– Не всех, конечно. Только такую... – Фёдор поморщился, – несусветную слизь. Но, кстати, временами мне кажется, что быть содомитом – это почти то же самое, что быть торчком. В глазах рядовых людей, я хочу сказать.

– Рядовых людей, очень точно, – усмехнулся Пётр Ильич.

– Ну ты же понимаешь, о чём я!

– Уж как не понять, – убитая улыбка не стиралась с лица, как её обладатель ни старался.

– Слизкая гидра, – снова переключило Фёдора.

Пётр Ильич Щемилов подрезал хлеба: ржаного, влажного изнутри, с чёрной запёкшейся корочкой. Снова налил водки – он почти никогда не пьянел, но пил редко и неохотно; сейчас ему хотелось выпить много и опьянеть. Фёдор пожалел, что у него нет штор: сентябрьское небо лезло в окно навязчиво, как голодный уличный кот. Тогда он взял и поставил пластинку, приглушив по возможности звук. Услышав начало, Пётр Ильич вздохнул:

– И не надоело тебе слушать одно и то же?

– Да нет. Это моя любимая пластинка. Я, правда, плохо понимаю слова, однако нутром чую –

то, что надо. О нас. И потом, мы её как раз в тот день слушали, когда я с Алексеем познакомился. Я его всё просил музыку поставить, а у него не было, и я, как вернулся, сразу же за эту пластинку схватился. Да ведь ты, помнится, ко мне в тот самый день и заходил.

Они посмотрели друг другу в глаза. И, не сговариваясь, потянулись каждый к своей стопке, молча выпили, чувствуя уже если не успокоение, то, по крайней мере, отсутствие непереносимого горя. Пётр Ильич хотел что-то сказать, но сдержался.

– А ещё в тот день, когда мы случайно встретились у Лизы, – начал Фёдор, – ещё в тот день, я помню, Алексей сказал такую фразу. Он сказал: дескать, наше Отечество – героин. Знаешь, он ведь серьёзно это сказал. И я что подумал? Что Алексей был благородный человек. И он стоял на страже своего Отечества, служил ему, как истинный дворянин Государю. И умер он не от передозировки – слышишь?! – Фёдор возвысил голос. – Наш товарищ погиб в бою. Сложил голову за Государя, – Фёдор осёкся, понимая, что говорит не совсем то, что думает, ерунду какую-то; откуда в его рассуждениях «Государь» взялся, Фёдор и сам не знал.

Пётр Ильич слушал его вполуха, но про «Государя» понял даже больше, чем говоривший. Они выпили ещё по стопочке, ещё закусили, и Пётр Ильич взялся отвечать Фёдору:

– Может быть... Может быть, ты и прав, про Государя-то. Только я вот по-другому думаю. Что Алёша, – Пётр Ильич вздохнул, – не на службе Отечеству погиб, нет... Понимаешь, он был принесён в жертву. Ведь религия – это опиум для простого народа, а для нас опиум – это религия; мы ведь Молоху поклоняемся, а он жертв требует. Разумеешь?

Вторая бутылка водки подходила к концу. Они снова пили молча; Фёдор забыл перевернуть пластинку и поставить вторую сторону – из динамиков доносились механические пощёлкивания. Он посмотрел в окно и сказал:

– Пётр Ильич, вот чего. Прогуляться нам надо. По свежему воздуху.

Они вышли в тёмный загаженный коридор, спустились пешком по лестнице, думали взять ещё водки – но сразу же от этой мысли отказались: никто из них не хотел доводить себя до скотского состояния. Они вошли в подворотню, прошли мимо церковной ограды и пошли, слегка пошатываясь, по уличному тротуару. Минут десять-пятнадцать они не разговаривали, и вдруг Пётр Ильич схватил Фёдора за мускулистую шею, нагнул его ухо к своим устам и начал шептать пьяным горячим шепотом:

– Слушай сюда. Скажу то, чего не хотелось бы говорить, – он слегка отпустил Фёдорову шею. –

Виноват я на деле-то перед Алёшкой. Лизу эту, дочку профессорскую, я специально ему подсунул: хотел, чтобы сошлись они, и денег с них под это дело стясти. А если не с них, так с папаши – кто больше даст за то, чтоб молчал.

– Ну ты изверг, – засмеялся Федор, не веря ни единому слову, и вдруг переменился. – Скоты мы, слышишь? Лизавета ведь до сих пор не знает! Позвонить ей надо, вон, из кафе...

Он побежал, нащупывая в кармане мелочь, так, будто бежал сообщать какое-то радостное известие. По дороге он взял себя в руки и снова стал горестен, когда, ввалившись в кафе, потребовал немедленно предоставить ему телефонный аппарат.

В миниатюрном пыльном сквере неподалеку стояла одна-единственная скамейка – её-то и выбрал для себя Пётр Ильич. Он сел и буднично подумал: убили Алёшку, как пить дать, убили. А кто убил, зачем – до того не было Петру Ильичу дела. Впервые за последние месяцы чувствовал он себя по-настоящему пьяным – и так ему стало от этого хорошо, что вороны на голых ветвях почудились ангелами, и мусор в урне – золотом-серебром, и жизнь вообще оказалась сносной.

Попразднством Воздвижения Креста Господня, пятнадцатого сентября, Лиза Локтева вышла из своего дома с рассветом. Сильный ветер дул вдоль набережной; люди сумрачными тенями шныряли вокруг, торопясь по каким-то своим, очевидно, важным делам. Перемена погоды совершила с ними странную метаморфозу – несколько дней назад, да и вчера ещё, безгранично праздничные, теперь брели они уныло, будто праздников в их жизни никогда не бывало, а были одни только будни. Лиза обнаружила, что и сама она выглядит точно так же, как и они. Может быть, у неё разве что туфли были начищены стократ лучше, чем у других, – по такой погоде не разберёшь.

Вот и трамвайная остановка – Лиза сочла, что хорошо бы, и даже нужно, немного проехать на трамвае. Однако, проведя в ожидании две-три минуты, она передумала и предпочла пройти несколько остановок пешком, хотя трамвай приехал следом за ней, и если бы она вернулась, то успела бы в него сесть. Ей подобная возможность как-то не пришла в голову. И она вернулась на набережную, к своему дому, пошла по набережной против ветра – так ей было ближе пройти к мосту, по которому тянулись трамвайные рельсы. Вода в реке имела привычный свинцовый оттенок, и по-своему это для Лизы было теперь хорошо.

Она переходила реку по мосту и смотрела через паранет, как мелкие капли начинающегося дождя падают в воду, оставляя на долю минуты расходящиеся круги в месте своего падения. Лиза Локтева хотела даже остановиться, чтобы разглядеть попристальнее, но не остановилась и пошла дальше.

Вчера Фёдор позвонил ей, когда она вернулась из церкви, отстояв праздничную литургию. Она чувствовала уже, что-то неладно, телефон у Алексея молчал несколько дней, и поэтому, когда пьяный голос Фёдора обрушил на неё, как снег на голову, неприятное известие, она приняла его настолько спокойно, что даже Фёдор, мало что соображавший к тому моменту, поразился её редкой душевной чѣрствости. Лиза Локтева поблагодарила Фёдора за то, что он взял на себя труд позвонить – лучше поздно, чем никогда, – и сказала, что на похороны не придѣт. Фёдор знал, почему она так ответила, и сказал, что его там тоже не будет: они там, как и покойник, никому не нужны. После этих слов Лиза повесила трубку.

Представить, что же ей теперь делать, как жить на грани нищеты без помощи Алексея, Лизе было непросто. Она не могла и не хотела думать об этом. Шла она в ту же церковь, в которой была вчера, не опасаясь дождя, лившего всюю, но при этом остававшегося всё равно там, в отдалении, где он не может ей повредить. Она смотрела на дождь,

словно сквозь мутное стекло, и продолжала идти, не меняя шага. Она вспомнила, как пряталась под козырёк подъезда в доме, где жил Алексей; ей подумалось, что это такая мелочь, о которой не стоит грустить. Справа от неё стояли ворота церковного двора – она вошла в них, перекрестившись.

За церковным куполом виднелись чёрные трубы какого-то маленького завода. Лиза Локтева отчуждённо смотрела на них, на пожухлую траву под ногами и вошла по каменным ступеням в храм. У старушки с гладким белым лицом она купила тонкие жёлтые свечи и, закрепляя их в залитые воском подсвечия, подумала о том, что следует заказать службу. Строгие смуглые лики святых окружали Лизу подобием стены; свет, лившийся из узких закруглённых окон, увлёк её взгляд вниз; она встала на колени и после, подняв глаза, тихо и отчётливо произнесла:

– Господи! Упокой душу раба Божия Алексея.

Веки опустились и приподнялись. И тогда она произнесла ещё раз:

– Господи! Упокой душу раба Божия Алексея.

1995

“Проект Абзац” - некоммерческий издательский проект, образовавшийся в процессе работы над альманахом “Абзац” (2006 - наст.вр.). “Библиотека альманаха “Абзац” - книжная серия, в которой публикуются авторы альманаха.

Редактор серии - Анна Голубкова.

“Свое издательство”

Санкт-Петербург, Зоологический пер., 1-3

Телефон: (812) 900-21-45

E-mail: editor@isvov.ru

Все желающие получить данное издание в виде книги могут сделать заказ на сайте <http://isvov.ru/>.

Любители читать с экрана могут скачать книгу в формате pdf:

https://sites.google.com/site/anchentaube/home/almanac_absatz/biblioteka

Подписано в печать 23.03.2015. Формат 60×84/16.

Гарнитура Garamond. Print on demand.